

ИСТОРИЯ

**Библиотека
журнала
Неприкосновенный
запас**

Wendy Z. Goldman, Donald Filtzer

F O R T R E S S
D A R K A N D S T E R N

The Soviet Home Front during World War II

OXFORD UNIVERSITY PRESS

2021

Венди З. Goldman, Дональд Фильцер

КРЕПОСТЬ ТЕМНАЯ И СУРОВАЯ

Советский тыл в годы Второй мировой войны

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2023

УДК 94(47+57)«1941/1945»

ББК 63.3(2)62ю14

Г60

Редактор серии

А. Куманьков

Голдман, В. З., Фильцер, Д.

Г60 Крепость темная и суровая: советский тыл в годы Второй мировой войны / Венди З. Голдман, Дональд Фильцер; пер. с англ. Т. Пирусской. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 712 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1999-9

ISSN 1815-7912

Под историей Великой Отечественной войны обычно понимают историю боевых действий и подвигов солдат, сражавшихся на фронте. Однако одним из важнейших факторов, позволивших Красной армии сдержать наступление немецких войск и перейти в контрнаступление, были усилия многих людей и прежде всего женщин, подростков и пожилых людей, находившихся в те годы в тылу. Историки Венди Голдман и Дональд Фильцер в своей книге исследуют историю тотальной войны за линией фронта. Как государству удалось мобилизовать за столь короткий срок все свои ресурсы, включая труд? Эффективно ли была организована работа государственных органов, отвечавших за проведение экстренных инициатив? Какую роль в жизни тыла играли коррупция чиновников и черный рынок? И как людям удавалось пережить чудовищные лишения — голод, тяжелый труд и вспышки эпидемий? Опираясь на обширный корпус недавно обнародованных архивных документов, авторы рассматривают взаимоотношения, которые сложились между советским государством и обществом в этот драматический период — от немецкого вторжения, начала массовой эвакуации и до восстановления страны. Венди Голдман — почетный профессор Пола Меллона в Университете Карнеги-Меллона. Дональд Фильцер — заслуженный профессор Университета Восточного Лондона.

УДК 94(47+57)«1941/1945»

ББК 63.3(2)62ю14

На обложке: Один из оборонных заводов на Урале, выпускающий снаряды для фронта. © Александр Бродский/РИА Новости

© Oxford University Press, 2021

© Т. Пируская, перевод с английского, 2023

© И. Дик, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Всем, кто боролся с фашизмом в тылу и на фронте, в лесах, лагерях и гетто, а также нашим отцам, Лоренсу Голдману и Дэвиду Фильцеру, солдатам, посвящаем мы эту книгу и многолетний исследовательский труд.

Лоренс Голдман, рядовой первого класса, получает медаль «Пурпурное сердце» после гибели его транспортного судна в Тихом океане.

Дэвид Фильцер, военный хирург, лечивший бывших узников нацистских концлагерей.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	9
Перечень основных наркоматов военных лет	12
Переименованные города	14
Введение. Тотальная война	19
Глава 1. Паника, выжженная земля, эвакуация	39
План эвакуации	44
Создание Совета по эвакуации	48
Эвакуация и выжженная земля	51
Перед лицом опасности	54
Паника и смятение	58
Планирование, погрузка, отслеживание	67
Зерно, стада и пищевые комбинаты	71
Промышленная база: экстренная и плановая эвакуация	78
За Днепром: эвакуация угольной промышленности	82
Люди: эвакуация по категориям	87
Москва: эвакуация в двадцать четыре часа	94
«Нас оставляют без хлеба!»	101
Железнодорожные вагоны: непреодолимое препятствие	106
Второй исход	110
Глава 2. На восток	115
Движение на восток: эвакуированные и беженцы	119
Опасности пути	130
Размещение новоприбывших	144
Производственные площадки: строительство, расширение, объединение	158
Глава 3. Хлеб насущный: накормить людей	176
Продовольственные нормы военных лет	180
Иерархия продовольственных норм	190
Хлебные карточки и столовые	201

Подсобные хозяйства, огороды, нецентрализованные запасы	210
«Свободная» торговля и колхозные рынки	214
Фураж, пищевые заменители и кулинарные эксперименты	219
Борьба организаций за продовольствие	227
Глава 4. Нелегальное снабжение:	
неравенство, уравниловка, черный рынок	237
Чиновники и «самоснабжение»	240
Уравниловка на местах	256
Воровство	262
Серый и черный рынок	272
Государственные проверки и рабочий контроль	283
Глава 5. «Всё для фронта»:	
вольнонаемные, заключенные, ссыльные	298
Мощная машина мобилизации	301
Поиск рабочей силы на ранних этапах	304
Мобилизация подростков в ремесленные училища	319
Принудительный труд: система ГУЛАГа	333
Глава 6. Кризис трудовой системы:	
пределы мобилизации	356
Сокращение трудовых резервов	358
Мобилизация рабочих из Средней Азии	363
Борьба за труд	377
Давление и сопротивление	394
Глава 7. Ограниченное принуждение:	
трудовое законодательство военного времени	409
Текущее кадров, дезертирство и ограничение свободы передвижения	414
Приговоры за трудовое дезертирство в годы войны	419
Применение военного трудового законодательства в 1942 и 1943 годах.	424
Бегство из школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ	432
1944 год: провал репрессивной политики	446

Глава 8. Здравоохранение	465
Спасение детей	472
Производственная гигиена	483
Проблема здравоохранения номер один: недоедание и дистрофия	501
Глава 9. «Наше дело правое»:	
Лояльность, пропаганда и народные настроения	520
Ужас вторжения: смятение и решимость	526
«Я и Ты — по-прежнему — одно»	539
Мсть и политическое просвещение	548
Массовые настроения и мнения:	
«Почему мы по-прежнему отступаем?»	557
«Единый и нераздельный боевой лагерь»	564
Немецкая вина: мщение vs классовый подход	579
Глава 10. «Кирпичная пыль и зола»:	
освобождение и восстановление	589
Выстраивание партийных структур	594
Фильтрация	600
Карточная система и трудовая мобилизация	614
Трудовая мобилизация и вооруженное сопротивление	623
Восстановление	631
Заключение	641
Библиография	657
Указатель	678

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы хотим выразить признательность многим людям и организациям, благодаря которым состоялась эта книга. В те годы, когда шла работа над исследованием, мы получали общую и индивидуальную поддержку от Американского совета научных обществ, кафедры истории Университета Карнеги — Меллона, Национального фонда гуманитарных наук и фонда *Wellcome Trust* (грант № WT087202MA). Мы чрезвычайно обязаны архивистам и сотрудникам архивов в России, особенно Нине Ивановне Абдулаевой, заведующей читальным залом № 1 Государственного архива РФ, на протяжении многих лет помогавшей нам в работе над разными проектами. Мы благодарим сотрудников Центральной научной медицинской библиотеки Первого МГМУ им. И. М. Сеченова (Москва), а также Сью Коллинз, старшего библиотекаря, и Барри Шлеса из отдела выдачи книг на дом Библиотеки Ханта при Университете Карнеги — Меллона. Их знания и профессионализм оказались бесценным подспорьем для нашей работы. Мы признательны Эду Серотте, директору архива *Centropa*, и Михал Фридман, указавшей нам на это обширное собрание устных рассказов и фотографий.

С нами делились своими соображениями, знаниями, материалами и находками многие из наших уважаемых коллег, в том числе Натали Бельски, Фран Бернштейн, Крис Бёртон, Линн Виола, Наум Кац, Катриона Келли, Мартин Краг, Ребекка Мэнли, Алексис Пери, Марк Харрисон, Донна Харш, Дэн Хили, Брэндон Шехтер, Чарльз Шоу, Питер Соломон, Кармин Сторелла, Рональд Суни.. Сергей Карпенко, Алексей Киличенков и Игорь Курукин посвятили немало часов обсуждению разных аспектов войны и высказали оригинальные замечания, проливающие свет на российский контекст. Майкл

Дэвид и Деннис Браун всегда с готовностью консультировали нас по вопросам, связанным с медициной и здоровьем. Анонимные рецензенты из издательства *Oxford University Press* уделили много времени чтению более ранней версии книги, и мы благодарим их за подробные и ценные комментарии. Таня Бакингом, креативный директор Лаборатории картографии Висконсинского университета, и Остин Дж. Новак подготовили прекрасные карты военных действий. Сьюзан Фербер, редактор отдела исторической литературы *Oxford University Press*, внимательно проработала каждую страницу этого объемного текста, стараясь сделать книгу как можно лучше. Уже работавшая с нашими книгами Карен Андерсон, несмотря на чрезвычайно напряженные условия, выполнила, как всегда, безупречную редактуру. Мы от всей души благодарим их за работу.

Комментарии и обсуждения в ходе наших выступлений с докладами и ранними версиями книги на семинарах, круглых столах, лекциях и конференциях принесли нам огромную пользу. Вот лишь неполный перечень мероприятий и организаций, где нам удалось выступить: Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований; Европейская конференция по истории социальных наук; кафедра истории Аризонского университета; чтения в честь Э.П. Томпсона в Питтсбургском университете; лекции Элиу Роуза по новейшей военной истории в Центре Джордана при Нью-Йоркском университете; Японское общество по изучению истории России при Университете Аояма Гакуин (Токио); Международная культурологическая программа, Центр Востока и Запада при Гавайском университете в Маноа; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); Карлов университет (Прага); Дюссельдорфский университет имени Генриха Гейне; Университет Южной Алабамы; семинар по изучению России в Мичиганском университете; Центрально-Европейский

университет в Будапеште; семинар «Система здравоохранения в России и Советском Союзе: сравнительный анализ» в Университетском колледже Дублина; Германский исторический институт в Лондоне; Институт истории науки Польской академии наук (Варшава); семинар по культурной и социальной истории России и Советского Союза в Оксфордском университете; коллоквиум «Медицина и здравоохранение в СССР и странах Восточного блока. 1945–1991» в Париже. Благодарим издательство *Indiana University Press*, любезно разрешившее нам частично перепечатать материал главы «Не хлебом единым: пища, рабочие и государство» (*Not by Bread Alone: Food, Workers, and the State*) из книги «Голод и война: снабжение в Советском Союзе в годы Второй мировой войны» (*Goldman W.Z., Filtzer D. (eds.). Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II. Bloomington: Indiana University Press, 2015. P. 44–97*).

Особую благодарность мы выражаем нашим партнерам, Наташе Курашовой, оказавшей нам бесценную помощь с переводом и изо дня в день делившейся с нами ценными мыслями относительно социального и исторического контекста исследования, и Маркусу Редикеру, чьи энтузиазм и проницательный взгляд на многие политические, текстуальные и организационные аспекты работы неизменно выручали нас. Едва ли стоит говорить, что без их неослабевающего интереса, критических замечаний и горячей поддержки книга многое бы потеряла.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ НАРКОМАТОВ ВОЕННЫХ ЛЕТ

- Главное управление трудовых резервов (ГУТР)
- Народный комиссариат авиационной промышленности
(Наркомавиапром)
- Народный комиссариат автомобильной промышленности
- Народный комиссариат боеприпасов
- Народный комиссариат внутренних дел (НКВД)
- Народный комиссариат водного транспорта
- Народный комиссариат военно-морского флота
- Народный комиссариат вооружения
- Народный комиссариат государственного контроля
- Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ)
- Народный комиссариат заготовок
- Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав)
- Народный комиссариат земледелия (Наркомзем)
- Народный комиссариат зерновых и животноводческих совхозов
- Народный комиссариат легкой промышленности (Наркомлегпром)
- Народный комиссариат лесной промышленности (Наркомлес)
- Народный комиссариат машиностроения (Наркоммаш)
- Народный комиссариат минометного вооружения
- Народный комиссариат морского флота
- Народный комиссариат мясной и молочной промышленности
- Народный комиссариат нефтяной промышленности
- Народный комиссариат оборонной промышленности
- Народный комиссариат обороны
- Народный комиссариат пищевой промышленности
- Народный комиссариат по строительству (Наркомстрой)

- Народный комиссариат по строительству военных и военноморских предприятий
- Народный комиссариат по строительству предприятий тяжелой индустрии (Наркомтяжстрой)
- Народный комиссариат промышленности строительных материалов
- Народный комиссариат путей сообщения (НКПС)
- Народный комиссариат резиновой промышленности
- Народный комиссариат речного флота
- Народный комиссариат рыбной промышленности
- Народный комиссариат связи (Наркомсвязь)
- Народный комиссариат сельскохозяйственного машиностроения (Наркомсельмаш)
- Народный комиссариат среднего машиностроения (Наркомсредмаш)
- Народный комиссариат станкостроения
- Народный комиссариат судостроительной промышленности
- Народный комиссариат танковой промышленности (Наркомтанкпром)
- Народный комиссариат текстильной промышленности
- Народный комиссариат торговли (Наркомторг)
- Народный комиссариат транспортного машиностроения
- Народный комиссариат тяжелого машиностроения (Наркомтяжмаш)
- Народный комиссариат угольной промышленности (Наркомуголь)
- Народный комиссариат химической промышленности
- Народный комиссариат цветной металлургии (Наркомцветмет)
- Народный комиссариат целлюлозной и бумажной промышленности
- Народный комиссариат черной металлургии (Наркомчермет)
- Народный комиссариат электропромышленности (Наркомэлектропром)
- Народный комиссариат электростанций
- Народный комиссариат юстиции (Наркомюст)

ПЕРЕИМЕНОВАННЫЕ ГОРОДА ¹

Ворошиловград (Луганск)
Горький (Нижний Новгород)
Калинин (Тверь)
Куйбышев (Самара)
Ленинград (Санкт-Петербург)
Молотов (Пермь)
Молотовск (Северодвинск)
Орджоникидзе (Владикавказ)
Свердловск (Екатеринбург)
Сталинград (Волгоград)
Сталино (Донецк)
Сталинск (Новокузнецк)
Чкалов (Оренбург)

¹ Современное название указано в скобках.

Карта 3. Линия фронта. 5 декабря 1941 года — 5 мая 1942 года

Введение
ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА

Под историей войны обычно понимают историю героев, сражавшихся на поле боя. Но эта книга рассказывает иную историю, не менее грандиозную: историю рабочих, крестьян, женщин, подростков и пожилых людей, составлявших советский тыл в годы Второй мировой войны. Усилия советских граждан по вооружению и снабжению Красной армии стали залогом победы союзников над нацистами¹.

Когда ранним утром 22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз, последний выбрал тактику тотальной войны: все ценные ресурсы, особенно труд, были мобилизованы на обеспечение фронта. Тотальная война дорого обошлась людям. Четырнадцатилетняя Раиса Смелая была эвакуирована в Казахстан, где она работала на военном заводе и одновременно училась в восьмом классе школы:

А нас они эвакуировали в Казахстан. Три сестры мамыны и четверо детей... все уехали в Казахстан и все дети умерли, я одна осталась... Я работала на военном заводе, делала «шишки» для снарядов... Уже работала, причем с 7 утра до 7 вечера, или же с 7 вечера до 7 утра. В литейном цехе. Настрадались мы очень... На мусоре я раз нашла лушпайки от картошки, принесла домой. Мама говорит: «Помой, сварятся». Потом я принесла куриные кишки и говорю: «Может, ты это помоешь?», но она этого не

¹ В английском языке существует термин *home front* («внутренний фронт»), впервые прозвучавший в начале Первой мировой войны в немецкой пропаганде. Он показывал, что государство осознает значимость усилий гражданского населения, направленных на помощь фронту. См.: *Hagemann K., Schuler-Springorum S. (eds.). Home/Front: The Military, War and Gender in Twentieth-Century Germany. Oxford: Berg, 2002. P. 8.*

кушала, а лушпайки — съели. Потом отруби от пшена... Ужасно!.. Мне давали килограмм хлеба в день, а мама получала 300 грамм. Хлеб был как камень, сырой, черный. Но я получала килограмм хлеба. Потом дали кушать, так мама ходила туда на завод, брала какую-то похлебку, доливала воды, потом уже вдвоем мы эту похлебку ели... Четыре года голодовки. У меня дистрофия была... Пережили очень много¹.

Во время войны государство по максимуму мобилизовало все свои огромные ресурсы. Промышленные предприятия, а с ними и миллионы людей были эвакуированы с запада на восток. Для гражданского населения была введена обязательная трудовая повинность, а все трудящиеся подчинялись военной дисциплине. Централизованным стало и распределение продуктов питания, осуществлявшееся по строгим правилам карточной системы. В этой книге — первом обширном, основанном на архивных материалах исследовании советского тыла — рассмотрены отношения между государством и обществом в период от вторжения до освобождения, от эвакуации до восстановления страны². Сосредоточившись на крупных и промышленных городах, мы постараемся показать, как

¹ Интервью с Раисой Смелой. Оригинальная запись на русском языке (публикуется с разрешения Centropa.org).

² Ключевая монография о советском тыле: *Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London; New York: Longman, 1991. Некоторые сборники эссе: *Thurston R. W., Bonwetsch B. (eds.). The People's War: Responses to World War II in the Soviet Union*. Urbana: University of Illinois Press, 2000; *Linz S. (ed.). Impact of World War II on the Soviet Union*. Totowa, N.J.: Rowman & Allanheld, 1985; *Stone D. (ed.). The Soviet Union at War, 1941–1945*. Barnsley, UK: Pen and Sword Books, 2010. Существует ряд других важных исследований, посвященных отдельным аспектам жизни тыла, в частности эвакуации, культуре и пропаганде, а также блокадному Ленинграду. В настоящей работе рассмотрены трудности, сопряженные с эвакуацией в сельской местности, реакция колхозов на трудовую мобилизацию, их участие в восстановлении и отношении к беглецам, однако это далеко не полный обзор происходившего в сельском хозяйстве. Чтобы полноценно рассказать о крестьянстве и его роли в войне, потребовалась бы еще одна книга.

государство мобилизовало людей из всех союзных республик для «тотальной войны» и как вели себя рядовые граждане во времена глубочайшего кризиса. Ведь между политикой государства и реакцией населения существовала неразрывная связь. Старания отдельных людей не вылились бы в коллективную силу без мобилизующего воздействия государства, а ни одна из масштабных государственных инициатив, в свою очередь, не имела бы успеха без усилий обычных людей. Рабочие разбирали заводское оборудование, в том числе на горнодобывающих и металлургических предприятиях, грузили его в товарные вагоны и вместе с заводами ехали на восток в сопровождении обширного конвоя. Люди жили и работали в тяжелейших условиях, особенно на востоке страны. Миллионы мобилизованных крестьян, студентов профтехучилищ и городских жителей трудились вдалеке от дома, жили в бараках и питались в столовых. Многие не перенесли тягот эвакуации. Меер Гольдштейн, офицер Красной армии, вспоминал, что его мать потеряла двух сестер: одна умерла в Янгиюле, другая в Свердловске:

Многие люди не смогли пережить эвакуацию на восток. Сестра моей матери Ита была вместе с ней в эвакуации в Янгиюле, и там она умерла от холода и голода... Для женщин эвакуация была чрезвычайно тяжелым испытанием. Они работали за себя, за своих братьев, за своих мужей и все отдавали солдатам. Они недоедали и недосыпали... Голда, младшая сестра моей матери, получила замечательное образование. До войны она была активной комсомолкой... В эвакуации она оказалась в Свердловске, простудилась и там умерла¹.

Фабрики прекратили производство товаров широкого потребления и строительных материалов для гражданских нужд.

¹ Интервью с Меером Гольдштейном. Оригинальная запись на русском языке (публикуется с разрешения Centropa.org).

Большая часть топлива шла на поддержание военной и оборонной промышленности. Люди жили и работали в нетопленных, а часто и темных помещениях. Городские водокачки периодически останавливались из-за нехватки топлива, и тогда в бани, многоквартирные дома и другие постройки переставала поступать вода. Даже хлебозаводам — а хлеб составлял основу карточной системы — иногда приходилось закрываться, задерживая производство и выдачу хлеба, притом что ежедневная норма хлеба была главным, а порой и единственным источником пищи¹. Военные историки часто отмечают ключевую роль работников тыла, помогших Красной армии в конце концов «сдержать натиск противника и перейти в наступление». По словам одного исследователя, «еще никогда от населения ни одной страны не требовали таких жертв». Так, несмотря на «колоссальные потери» оборудования в 1941–1942 годах, рабочим ценой невероятных усилий удалось восполнить его запасы к концу 1942 года². Как гласил лозунг того времени, фронт и тыл превратились в «единый и нераздельный боевой лагерь». Это не просто громкая фраза. От немецких воздушных налетов и бомбардировок гибло множество людей даже в таких удаленных на восток городах, как Горький. Подобно солдатам, обычные люди не имели права уклоняться от мобилизации, бросать работу, опаздывать или покидать рабочее место без разрешения. Они не выбирали, куда их отправят. Изготовленное рабочими вооружение шло прямо на фронт, где часто сражались их родные. Молодая

¹ О жизни в промышленных центрах см. также: *Samuelson L.* Tankograd. The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk, 1900s — 1950s. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. Chs. 7, 8; *Holmes L.* War, Evacuation and the Exercise of Power: The Center, Periphery, and Kirov's Pedagogical Institute, 1941–1952. Lanham, Md.: Lexington Books, 2012; *Stalin's World War II Evacuations: Triumph and Troubles in Kirov.* Lawrence: University Press of Kansas, 2017.

² Цит. по: *Overy R.* Why the Allies Won. New York: W. W. Norton and Co., 1995. P. 188; о потерях и пополнении запасов см.: *Mawdsley E.* Thunder in the East: The Nazi — Soviet War 1941–1945. London: Bloomsbury, 2016. P. 47.

женщина писала из Молотова на фронт другу о подростке, работающем с ней на одном заводе:

В 6 часов утра поднимаются они с постели и, запахнувшись в отцовский ватник, спешат — и в трескучий мороз, и в страшную вьюгу, по колено утопая в снегу, в дождь и осеннюю грязь — на далекий завод, чтобы стать у самого сложного станка. Глядя на него, трудно поверить, что ему 14–15 лет. Он подставляет два ящика, чтобы дотянуться до шпинделя станка; всем телом налегает на рукоятку, чтобы переключить скорость. Но видели бы вы, как он работает! Всем своим существом он как бы сливается с машиной и обгоняет ее. Он устает, очень устает. Но видел ли кто-нибудь его слезы? И он не может работать тише: ведь его снарядами брат и отец громят врага. Это не героика, это будни нашего тыла¹.

Продукцию всех отраслей: металлы, топливо, транспорт, продовольствие и товары широкого потребления — либо отправляли на фронт, либо переформатировали под нужды обороны². К тотальной войне страна начала готовиться в 1930-е годы, когда государство ограничивало потребление и постепенно ужесточало трудовое законодательство³. Советские люди, внимательно наблюдавшие, как набирает силу фашизм, осознавали вероятность войны.

На фоне стабильного ухудшения международных отношений Максим Литвинов, нарком иностранных дел, неоднократно говорил о необходимости «коллективной безопасности»,

¹ *Тельпуховский В. Б.* Героизм рабочего класса // *Война и общество. 1941–1945* / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М.: Наука, 2004. Т. 1. С. 12; также см.: *Земсков В. Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // *Политическое просвещение. 2014. № 2 (79)*. С. 3. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?print=y&ID=3167&journal=160> (дата обращения: 29.01.2022).

² *Harrison M.* Industry and Economy // *Stone D.* (ed.). *The Soviet Union at War*. P. 17.

³ *Erickson J.* *The Road to Stalingrad: Stalin's War with Germany*. New Haven: Yale University Press, 1975. P. 60.

предлагая Франции и Великобритании объединиться с СССР против германской агрессии. Ни Британия, ни Франция не хотели повторения ужасов Первой мировой войны и, полагая, что желания Адольфа Гитлера имеют пределы, отвергли предложения советской стороны в пользу политики умиротворения. По мере того как Гитлер продвигался на восток, Иосиф Сталин все больше боялся, что СССР «втянут в преждевременную войну без надежных союзников»¹. В августе 1939 года он согласился на предложение Гитлера и подписал десятилетний пакт о ненападении, известный как пакт Молотова — Риббентропа. Согласно прилагавшемуся к нему секретному протоколу, Германия должна была оккупировать Западную и Центральную Польшу, а Советскому Союзу доставались Восточная Польша и прибалтийские страны. Сталин надеялся, что пакт позволит его стране выиграть время и поможет создать буферную зону на случай, если Гитлер все же нападет на СССР. Он полагал, что отплатил западным странам, втайне рассчитывавшим, что Гитлер двинется на восток и уничтожит большевизм, той же монетой². Но Сталин ошибся. Когда Германия атаковала Польшу, Великобритания и Франция отказались от политики умиротворения и объявили Гитлеру войну.

Пакт оказался недолговечным. Сталин не знал, что уже в июле 1940 года Гитлер сообщил своим военачальникам, что собирается напасть на Советский Союз весной 1941 года. В декабре он подписал план операции «Барбаросса», где излагались детали предстоящего вторжения³. В марте 1941 года

¹ *Glantz D., House J.* When Titans Clash: How the Red Army Stopped Hitler. Lawrence: University Press of Kansas, 1995. P. 15–16.

² См. анализ разных точек зрения: *Murphy D.* What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa. New Haven: Yale University Press, 2005. P. xv—xx, 6, 173–187; *Баранов В. П., Москаленко Н. М., Тимченко А. В., Чельшев Е. П.* Великая Отечественная война, 1941–1945. М.: Мин. обороны РФ, 2012. Т. II. С. 242–301.

³ *Bellamy C.* Absolute War: Soviet Russia in the Second World War. New York: Alfred Knopf, 2007. P. 118–119, 126.

Гитлер призвал 250 офицеров в Берлин, где провел с ними беседу об особом характере грядущей войны¹. Генриху Гиммлеру как рейхсфюреру СС были поручены определенные задания на завоеванных территориях, и впоследствии он использовал айнзацгруппы полиции безопасности, в конечном счете уничтожившие миллионы мирных жителей, в том числе почти два миллиона советских евреев. Согласно изданному 13 мая приказу, советских политруков, партийных работников, военнопленных и штатских евреев, цыган и партизан надлежало передавать в руки СС или айнзацгрупп. Так называемый «приказ о комиссарах» от 6 июня предписывал немедленный расстрел всех коммунистов и политработников Красной армии².

Нацисты видели в Советском Союзе богатый источник продовольствия, сырья и трудовых ресурсов для нового рейха³. Они намеревались искоренить большевизм, уничтожить советское государство и основать на востоке германскую империю⁴. Опыт Первой мировой войны убедил Гитлера, что Германия не добьется успеха, если не обеспечить продовольствием как армию, так и города⁵. Поэтому Герберт Бакке, горячий сторонник завоевания восточных территорий, разработал «План голода», предлагавший массовое истребление славян и евреев и уничтожение «бесполезных едоков»⁶.

¹ См. дневниковые записи Франца Гальдера: *Fest J. Hitler*. New York: Mariner Books, 2002. P. 649.

² В мае 1942 года «приказ о комиссарах» был отменен; см.: *Burds J.* «Turncoats, Traitors, and Provocateurs»: Communist Collaborators, the German Occupation, and Stalin's NKVD, 1941–1943 // *East European Politics and Societies: and Cultures*. 2018. Vol. 32. № 3. P. 608, 616.

³ *Tooze A.* The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. New York: Viking Penguin, 2006. P. 462.

⁴ О подготовке вторжения см.: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941. New York: Berghahn Books, 2006.

⁵ *Collingham L.* The Taste of War: World War Two and the Battle for Food. New York: Penguin Press, 2012. P. 18, 22, 25, 26.

⁶ *Ibid.* P. 32, 25.

В докладной записке, составленной в мае 1941 года, говорилось: «1. Продолжать войну можно лишь в том случае, если на третий ее год удастся прокормить все силы вермахта за счет России. 2. В результате X миллионов людей, несомненно, умрут от голода». «X» пока был неизвестен. Вскоре лидеры нацистской партии, в частности Гиммлер и Геринг, уже называли цифру «от двадцати до тридцати миллионов». Предполагалось, например, что крупные города вымрут¹. Вермахт, позднее пытавшийся отрицать, что стремился к массовому истреблению и геноциду, с готовностью принял этот план². В «Плане голода» отмечалось, что славяне перестанут быть «экологической помехой для развития сельского хозяйства» на востоке. Четырнадцать миллионов советских крестьян нацисты собирались обратить в рабство, немногочисленную группу — интегрировать в немецкое общество, а оставшиеся семьдесят миллионов — отправить в Советскую Арктику, где они в конце концов умрут от непосильного труда³. Высшее командование вооруженных сил предоставляло офицерам право на месте принимать решение о расстреле любого мирного жителя, обвиненного в преступлении, а также снабжало их инструкциями по проведению массовых карательных операций в городах и селах. Руководство, напечатанное для 3,6 миллиона солдат на Восточном фронте, призывало принимать «беспощадные и энергичные меры против большевистских агитаторов, партизан, саботажников, евреев» и «полностью подавлять любое активное или пассивное сопротивление».

¹ *Kay A.J.* Germany's Staatssekretare, Mass Starvation and the Meeting of 2 May 1941 // *Journal of Contemporary History*. 2006. Vol. 41. № 4. P. 685–689; *Tooze A.* Wages of Destruction. P. 479–480.

² См.: *Kay A.J.* The Purpose of the Russian Campaign Is the Decimation of the Slavic Population by Thirty Million: The Radicalization of German Food Policy in Early 1941 // *Kay A.J., Rutherford J., Stahel D.* (eds.). *Nazi Policy on the Eastern Front, 1941: Total War, Genocide, and Radicalization*. Rochester, N.Y.: University of Rochester Press, 2012. P. 113.

³ *Collingham L.* The Taste of War. P. 33, 36, 37, 38, 39, 41, 42.

По сути, речь в инструкциях шла не о войне, а о массовом убийстве¹.

22 июня 1941 года Германия, задействовав такие мощные силы, какие еще никогда не были сосредоточены на одном театре военных действий, без предупреждения начала операцию «Барбаросса». Атака велась в трех направлениях: северном — на Ленинград, восточном — на Смоленск и Москву и южном — на Киев. Немецкий блицкриг с присущей ему спецификой: усиленными бомбардировками, быстрым наступлением танков и пехотой — перекинулся на территорию Советского Союза. Хотя советские граждане понимали, что вражеское вторжение — часть предстоящей борьбы с фашизмом, ни они, ни руководство страны, ни военное командование не отдавали себе полный отчет в том, какие бесчеловечные цели преследуют нацисты. В следующие месяцы Красная армия в беспорядке отступала, линия фронта смещалась, миллионы солдат были убиты, окружены и взяты в плен. К концу 1941 года немцы оккупировали Белоруссию, Прибалтику, Крым и почти всю Украину; они взяли в кольцо Ленинград, начав осаду, которой предстояло стать самой долгой в современной истории; они были на подступах к Москве.

Позднее, в речи на XX съезде партии в 1956 году Никита Хрущев обвинит в поражениях первых месяцев войны Сталина. Он объявит, что в ходе чисток 1937–1939 годов Сталин уничтожил офицерский состав, слепо доверял пакту, насаждал ложное убеждение, что война будет наступательной и будет происходить не на советской территории, игнорировал данные разведки о готовящемся нападении, отверг возможность упорядоченного отступления и не смог как следует

¹ *Römer F.* The Wehrmacht in the War of Ideologies: The Army and Hitler's Criminal Orders on the Eastern Front // Kay A.J., Rutherford J., Stahel D. (eds.). Nazi Policy. P. 73–100; *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 — March 1942. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004. P. 222–223.

подготовить страну к войне¹. Историки до сих пор ведут споры относительно этих обвинений и причин произошедшей катастрофы, однако все согласны в том, что к моменту нападения Советская армия была неудачно расположена, плохо обучена и экипирована, а понесенные потери стали страшным ударом для армии, экономики и советского народа².

Однако если на фронте решения правительства поначалу привели к неудачам, в тылу ему удалось действовать решительно и в целом эффективно. Резкая критика Хрущева, заявившего о неготовности СССР к войне, таким образом,

¹ См.: *Хрущев Н. С.* Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. 24–25 февраля 1956 г. URL: <http://www.agitclub.ru/spezhran/hruzevi.htm> (дата обращения: 27.04.2022). Критику поддержали некоторые генералы, возмущенные отказом Сталина разрешить отступление в боях, которые, как они считали, все равно невозможно было выиграть.

² Некоторые историки полагают, что поражения Красной армии в первые месяцы войны были обусловлены именно чистками; другие же не думают, что они повлияли на ситуацию решающим образом. Одни уверены, что Гитлер ввел Сталина в заблуждение, заставив его думать, что Германия сначала нападет на Великобританию; по мнению других, Сталин понимал, что вторжение неизбежно, но изо всех сил стремился сохранять мир, чтобы лучше подготовить страну к войне. Кто-то указывает, что в 1941 году СССР производил больше вооружения, чем Германия, и видит причину поражений в неправильной тактике и плохой организации; иные же утверждают, что валовой продукт не отражает готовности страны к войне, ведь почти половина советских танков нуждалась в ремонте. О чистках см.: *Hill A.* *The Red Army and the Second World War.* Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 76; *Mawdsley E.* *Thunder in the East.* P. xiv; *Reese R.* *The Red Army and the Great Purges* // Arch Getty J., Manning R. (eds.). *Stalinist Terror: New Perspectives.* Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 198–214; *Glantz D., House J.* *When Titans Clash.* P. 10–13. О предполагаемой попытке Гитлера ввести Сталина в заблуждение и о взглядах Сталина на Великобританию и Францию см.: *Murphy D.* *What Stalin Knew.* P. 173–180; *Bellamy C.* *Absolute War.* P. 145–146, 149, 150–162. О желании Сталина во что бы то ни стало поддерживать мир до 1942 года см.: *Glantz D., House J.* *When Titans Clash.* P. 26. Кристофер Беллами тоже отмечает, что Сталин изо всех сил старался оттянуть войну до 1942 года, когда у страны будут танки, орудия и гранатометы. См.: *Bellamy C.* *Absolute War.* P. 116–117. О производстве боеприпасов см.: *Overy R.* *Why the Allies Won.* P. 324. О неподготовленности к войне см.: *Mawdsley E.* *Thunder in the East.* P. 27; *Hill A.* *The Red Army and the Second World War.* P. 202; *Erickson J.* *The Road to Stalingrad.* P. 66; *Glantz D., House J.* *When Titans Clash.* P. 27.

не касалась внутренней политики, что побуждает переосмыслить все свидетельства военного времени. Государство быстро организовало активную деятельность существующих комиссариатов, советов и партии, комсомола и профсоюзов, запустив масштабный мобилизационный механизм, связывающий остальные регионы с Москвой. Историки, изучающие сталинские стратегии руководства страной в годы войны, подробнее всего останавливаются на Государственном комитете обороны (ГКО) — новом чрезвычайном органе управления, обладавшем всей полнотой военной, экономической и политической власти, тогда как другим организациям военных лет, исполнявшим указания ГКО, уделяется гораздо меньше внимания. В этой книге мы стремимся вернуть государство в социальную историю советского тыла, но не как абстрактный синоним власти, а как группу конкретных, действующих организаций. Народный комиссариат торговли, например, был перепрофилирован для развития и контроля новой карточной системы. Местные советы отвечали за трудовую мобилизацию населения, а промышленные комиссариаты организовывали эвакуацию предприятий своей отрасли. Новую роль в военные годы приобрел и НКВД: сотни тысяч представителей разных национальных групп, заподозренных в нелояльности правительству или в коллаборационизме, были депортированы, заключенные были переброшены на строительство крупных военных объектов, а из депортированных были сформированы новые рабочие силы, получившие неофициальное название «трудовой армии». Наряду с существовавшими государственными органами партия и Совет народных комиссаров учредили новые крупные организации, наделенные неслыханными полномочиями. Не прошло и двух дней после нападения Германии, как был создан Совет по эвакуации, к осени 1942 года обеспечивший перевозку более чем 2400 промышленных предприятий, почти 8 миллионов животных

и около 25 миллионов людей¹. Во многом именно благодаря его успешной работе, отчасти компенсировавшей поражения на фронте, страна смогла заново отстроить на востоке оборонную промышленность. Затем последовали аналогичные чрезвычайные распоряжения по трудовой мобилизации. Через восемь дней после начала войны государство учредило Комитет по распределению рабочей силы, в обязанности которого теперь входили оценка занятости в каждой республике и области, обеспечение промышленности трудовыми ресурсами и организация перемещения вновь мобилизованных в отдаленные регионы. Подобного трудового контроля не существовало прежде ни в Советском Союзе, ни в других странах ни в мирное, ни в военное время. Главное управление трудовых резервов и военкоматы отправили миллионы подростков и призывников, не годных к военной службе, в профтехучилища и на работу. Все работоспособное население в городе и деревне в обязательном порядке несло трудовую повинность. Поскольку вторжение германских войск привело в движение миллионы людей — эвакуированных, беженцев, новобранцев, депортированных и рабочих, — Народный комиссариат здравоохранения пытался остановить распространение тифа, дизентерии, туберкулеза, кори и других смертельных болезней, эпидемии которых вспыхивали в условиях переполненных поездов, железнодорожных станций и портов. На производстве руководители

¹ Дихоманов М.И., Позина А.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны, 1941–1942. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 27; ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 2. Д. 409. Л. 74–100; Куманев Г.А. Эвакуация населения СССР. Достигнутые результаты и потери // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: Сборник статей. СПб.: Рус.-балт. инф. центр «Блиц», 1995. С. 145; Белоносов И.И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 // Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производственных сил СССР в 1941–1942 гг.: Сборник статей и воспоминаний / Под ред. Ю.А. Полякова, Г.А. Куманева, Н.П. Липатова, А.В. Митрофановой. М.: Наука, 1966. С. 15.

брали на себя обеспечение миллионов беженцев, эвакуированных и мобилизованных работников жильем, продуктами питания и одеждой, а также заботу об их детях и значительную часть репродуктивного труда — лежавших на женщинах домашних обязанностей. Мобилизованные и несвободные рабочие жили в наспех сколоченных бараках без кухонь, санузлов, отопления и водоснабжения. Семейная жизнь теперь была сосредоточена на рабочем месте. Когда поставки продовольствия начали сокращаться и возникла угроза голода, на смену домашнему очагу пришла общая кухня в столовой.

Осуществление многих направленных на мобилизацию инициатив серьезно замедлилось бы, если бы не поддержка и участие населения. Эвакуация полностью зависела от желания рабочих даже под бомбами разбирать, паковать и грузить в вагоны оборудование. После долгой утомительной дороги те же рабочие под открытым небом вновь собирали свои заводы. Сложнее оказалось с трудовой мобилизацией: под натиском войны многие бросали работу и старались уклониться от трудовой повинности. Но миллионы людей не покидали рабочие места даже в самых тяжелых условиях. Все больше людей страдало от голода, поэтому ученые и повара в столовых искали замены продуктам питания. Активисты из партии, комсомола, профсоюзов и местных советов создали множество добровольческих организаций, в том числе ополчение. Люди добровольно строили укрепления, высматривали вражеские самолеты и гасили на крышах зажигательные бомбы, проверяли вес и количество выдаваемых по карточкам продуктов, собирали дрова и зелень. Хотя эти коллективные усилия не могли защитить население тыла от кошмара немецких бомбардировок и острой нехватки продовольствия, они помогали людям, охваченным паникой и отчаянием, внести существенный вклад в борьбу с нацизмом.

В книге «Крепость темная и суровая» война рассматривается с точки зрения государства и рядовых граждан. Опираясь на обширные, недавно обнародованные архивные документы, мы анализируем политику государства, препятствия, на которые она наталкивалась, и ее последствия: хаос и панику на фронте, нехватку товарных вагонов для эвакуации, вспышки эпидемий в пути, голод в тылу, распространение черного рынка и других нелегальных видов товарообмена, хищения, случаи ухода с рабочего места, массовую реакцию на пропаганду, использование принудительного труда и кризис системы организации труда. В ходе многочисленных проверок раскрывались шокирующие подробности, показывающие, какие страшные лишения переносили обычные люди. Кроме того, документы позволяют нам не ограничиваться предположениями о роли принудительного труда, а проследить, как трудовое законодательство влияло на повседневную жизнь. В них, помимо свидетельств очевидцев и воспоминаний, запечатлена обширная палитра настроений общества.

Война оставила в Советском Союзе и России глубокий след, очевидный по сей день. Советский Союз потерял больше населения — как в абсолютных цифрах, так и в пересчете на долю населения, — чем любая другая из воюющих стран: по разным оценкам, 26–27 миллионов, то есть около 13,5% довоенного населения. «Безвозвратные потери» среди солдат Красной армии насчитывали более 8,6 миллиона человек, еще почти 3,4 миллиона пропали без вести или были взяты в плен. Многих военнопленных намеренно уморили голодом или убили в немецких лагерях; только 1,8 миллиона человек вернулись. Погибло около 19 миллионов мирных жителей: 8,5 миллиона от инфекций и голода, спровоцированного фашистами, в том числе между 700 000 и 1 миллионом в блокадном Ленинграде; от 6,4 миллиона до 11,3 миллиона человек было целенаправленно уничтожено, среди них почти 2 миллиона евреев; от 2,1 до 3 миллионов было отправлено в Германию на

принудительные работы¹. Для сравнения: Соединенные Штаты потеряли 418 500 человек, или 0,32% населения по состоянию на 1939 год; Великобритания и ее колонии — 450 700 человек, или 0,94%; Франция — 567 000 человек, или 1,35%. Потери стран «оси» крупнее, но все же несопоставимы с советскими: Япония потеряла 3,1 миллиона человек (3,67%), Германия — между 6,6 и 8 миллионами (7,9%)². Почти для каждой советской семьи война обернулась либо гибелью кого-то из родных, либо другими страшными трагедиями.

Однако на Западе эта часть истории известна меньше, отчасти из-за последовавшей вскоре после победы холодной войны³. Из речей политиков и из массмедиа постепенно ушли упоминания о вкладе СССР в победу над фашизмом. Многие так и не узнали или забыли, что подавляющее большинство гитлеровских войск было сосредоточено на Восточном

¹ Цифры в разных источниках разнятся. Польша понесла небольшие потери на поле боя, но жертвы среди мирных жителей были огромны: численность населения резко снизилась по сравнению с довоенными показателями. Об общих потерях см.: *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. А.* Людские потери СССР во Второй мировой войне. Методика оценки и результаты; о потерях среди гражданского населения см.: *Филимошин М. В.* Об итогах исчисления потерь среди мирного населения на оккупированной территории СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны; о военных потерях см.: *Кривошеев Г. Ф.* Об итогах статистических исследований потерь вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне. — все в кн.: Людские потери СССР в период Второй мировой войны. С. 41–42, 127, 75; *Ellman M., Maksudov S.* Soviet Deaths in the Great Patriotic War: A Note // *Europe — Asia Studies.* 1994. Vol. 46. № 4. С. 671–672 об общих потерях, с. 674 о возвращении военнопленных, с. 676 о потерях среди мирного населения. См. также: *Glantz D., House J.* When Titans Clash. P. 292 — авторы оценивают невозвратные потери Красной армии значительно выше: более чем в 11 миллионов человек, из которых более 4,4 миллиона попали в плен или пропали без вести.

² *By the Numbers: World Wide Deaths* // National WWII Museum. URL: <http://www.nationalww2museum.org/learn/education/for-students/ww2-history/ww2-by-the-numbers/world-wide-deaths.html> (дата обращения: 27.04.2022); URL: https://en.wikipedia.org/wiki/World_War_II_casualties (дата обращения: 27.04.2022).

³ *Thompson E. P.* Beyond the Frontier: The Politics of a Failed Mission, Bulgaria 1944. Stanford: Stanford University Press, 1997. P. 37.

фронте. США и Великобритания открыли второй фронт в Европе только 6 июня 1944 года, когда Советский Союз уже понес огромные потери и его победа над нацистами почти не вызывала сомнений. Даже когда союзники высадились в Нормандии, две трети германской армии оставались на востоке. Как справедливо заметил историк Родрик Брейтвейт, «правда в том, что если бы [немцы] не сражались в России, то они были бы во Франции, и тогда не было бы и „Дня Д“»¹. Между тем в Советском Союзе, а затем в России поощряемый государством нарратив о войне приобретал все более героические черты и воспринимался как неоспоримый². Если первоначально акцент был сделан на роли Сталина как Верховного главнокомандующего, то позднее в рассказах о Великой Отечественной войне на первый план вышли организаторские таланты коммунистической партии, а в постсоциалистическую эпоху — победа России и русского народа. Из популярных версий этого нарратива изглаживались все темы, способные бросить тень на героический миф о единстве нации, разом вставшей на защиту своей страны.

Если говорить о войне как проверке на лояльность советской власти, исследования оккупированных территорий показали, что многие крестьяне поначалу приветствовали приход немцев или, по крайней мере, старались приспособиться к ним, националистические группы активно участвовали в этническом геноциде, а некоторые члены партии, оставшиеся на оккупированных территориях, выразили готовность служить новому начальству. Сторонники так называемой школы сопротивления усматривают в пораженческих или прогерманских настроениях реакцию на жестокость сталинского режима, апеллируя к давнему тезису о моральной и политической

¹ *Breitwieser R.* Москва 1941. Город и его люди на войне / Пер. Е. В. Смолиной, Ю. В. Фирсова. М.: Голден-Би, 2006.

² *Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. New York: Basic Books, 1994.

равнозначности двух тоталитарных систем — нацизма и сталинизма¹. Однако, занимаясь изучением советского тыла, мы обнаружили мало свидетельств прогерманских настроений или деятельности. На собраниях и в разговорах обыкновенные люди могли порой скептически относиться к поступающей от государства информации, но они проявляли неизменный интерес к происходящему на фронте и стремились внести свой вклад в общую борьбу. Те, кто больше всего выиграл от революции и политики советской власти в вопросах гендерного равноправия, труда, образования и развития промышленности, ощущали глубокую причастность к социалистическому проекту. Родственница Лазаря Кордунера, главного инженера Харьковского тракторного завода, позднее описывала его состояние после того, как Кордунер по приказу руководства вынужден был взорвать завод в связи с приближением немцев:

Он работал на строительстве завода с первого дня и испытывал горькие чувства, когда завод должен был быть взорван. Катя, его мать, всегда ждала его возвращения с завода и никогда не ложилась

¹ См., например: *Enstad J.D. Soviet Russians under Nazi Occupation: Fragile Loyalties in World War II.* Cambridge: Cambridge University Press, 2018; *Berkhoff K. C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule.* Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2004, особенно гл. 1 и 3, а также с. 285–300; *Cohen L. R. Smolensk under the Nazis: Everyday Life in Occupied Russia.* Rochester, N. Y.: University of Rochester Press, 2013; *Solonari V. A Satellite Empire: Romanian Rule in Southwestern Ukraine, 1941–1944.* Ithaca; London: Cornell University Press, 2019; *Burds J.* «Turncoats, Traitors, and Provocateurs». О сложном переплетении мотивов см. специальный выпуск *Slavic Review* (2016. Vol. 75. № 3), в том числе: *David-Fox M.* The People's War: Ordinary People and Regime Strategies in a World of Extremes. P. 551–559; *Bernstein S.* Rural Russia on the Edges of Authority: Bezvlastie in Wartime Riazan', November — December 1941. P. 560–582; *McBride J.* Peasants into Perpetrators: The OUN-UPA and the Ethnic Cleansing of Volhynia, 1943–1944. P. 630–654; *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton: Princeton University Press, 2002; *Statiev A.* The Soviet Counterinsurgency in the Western Borderlands. New York: Cambridge University Press, 2010.

спать, пока он не возвращался домой. Когда немцы подошли совсем близко к Харькову, Лазарь получил приказ взорвать завод. Он пришел домой и буквально упал на Катю, заливаясь слезами. «Почему ты плачешь?», — спросила она его. Он ответил: «Мамка, я три часа назад сделал то, что равносильно было б тому, что я убил бы Ленку [его дочь]»¹.

Некоторые историки утверждают, что для мобилизации советского населения государство широко применяло принудительный труд и репрессии, а солдатами и мирными жителями двигал в первую очередь страх. Другие возражают, что принуждением невозможно объяснить способность государства мобилизовать людей в таких тяжелых условиях и победу в войне. Конечно, заключенных заставляли трудиться на строительстве важных военных объектов и на производстве, а рабочие в суровых условиях военного времени были прикованы к своим местам строгим трудовым законодательством. Но, как увидят читатели из этой книги, государство обладало ограниченной способностью удерживать контроль посредством принуждения, а подавляющее большинство людей сами стремились содействовать победе. Некоторые рабочие сначала отказались разбирать и эвакуировать «свои» заводы, но гораздо больше тех, кто с риском для жизни обеспечивал эвакуацию. Некоторые уклонялись от обязательной мобилизации, но большинство не покидало рабочих мест, несмотря на отсутствие у прокуроров, заводской администрации или председателей колхозов возможности или желания применять к ним трудовое законодательство. Люди, участвовавшие в незаконном перераспределении и в хищениях, искажали установленную государством строгую иерархию продовольственных норм, но рядовые граждане протестовали против привилегий чиновников, а не против самой системы.

¹ Интервью с Ларисой Хусид. Оригинальная запись на русском языке (публикуется с разрешения Centropa.org).

Действия, вызванные паникой, эгоизмом или желанием выжить, не были обусловлены антисоветскими или профашистскими установками. Большинство историков согласны в том, что настроения общества, менявшиеся с течением времени и в значительной мере зависевшие от принадлежности к определенной социальной группе и национальности, от личного опыта и политических убеждений, не сводятся к простой позиции «за или против» советской власти, при этом свидетельства антисоветского сопротивления в тылу крайне немногочисленны¹.

Тыл развивался вместе с фронтом, и ведущую роль в этом развитии играли катастрофические территориальные потери Советского Союза, а затем освобождение оккупированных земель. В книге мы прослеживаем сокращение и расширение советского тыла от первых деморализующих отступлений Красной армии до победы под Сталинградом и ожесточенных боев за оккупированные территории. В работе мы придерживаемся как хронологического, так и тематического принципа, начиная с попыток в срочном порядке эвакуировать и организовать на новом месте людей и промышленность и заканчивая первыми усилиями, направленными на реинтеграцию вновь освобожденных территорий. Отдельные главы

¹ О принуждении как главном и определяющем факторе см.: *Budnitskii O.* The Great Patriotic War and Soviet Society: Defeatism, 1941–1942 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian Society.* 2014. Vol. 15. № 4. P. 791; *Berkhoff K.* Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2012. Об ограниченной роли принуждения см.: *Reese R.* Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II. Lawrence: University of Kansas Press, 2011. P. 13, 25, 27, 173–175, 306; см. также прекрасную рецензию Роджера Марвика: *Stalinism at War* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian Society.* 2002. Vol. 3. № 3. P. 510. О поддержке социализма в среде рабочих см.: *Dzeniskevich A.* The Social and Political Situation in Leningrad during the First Months of the German Invasion: The Psychology of the Workers // *Thurston R. W., Bonwetsch B. (eds.).* The People's War. P. 79. Ричард Бидлак отмечает, что, несмотря на крайне неоднородные настроения в обществе, государству удалось связать войну с преданностью Сталину и партии: *Bidlack R.* Propaganda and Public Opinion // *Stone D. (ed.).* The Soviet Union at War. P. 64.

посвящены ключевым мерам военного времени: эвакуации, переселению, нормированию продовольствия, трудовой повинности, здравоохранению и пропаганде — и реакции населения, поддерживавшего, ограничивавшего или переосмыслявшего эти меры. По словам одного из ведущих историков экономики, в советском тылу произошло «производственное чудо военного времени»¹. Как государство и население добились этого чуда? Какие стратегии позволили стране выиграть войну и какие условия сложились благодаря этим стратегиям? Как реагировали люди и почему? Вот те вопросы, на которые мы пытались ответить в своей книге.

¹ *Harrison M. Industry and Economy*. P. 26.